

ПРУССИЯ ДО ЕЕ ЗАВОЕВАНИЯ НЕМЦАМИ

В. Перцев,

действ. чл. Белорусской академии наук

История Пруссии не похожа на историю других германских государств. Пруссия образовалась целиком на завоеванной земле, до того заселённой негерманскими народами. «Пруссия есть германское государство, основанное за пределами Германии»¹. Захват чужих земель является, таким образом, исходным пунктом, наложившим свою печать на всю последующую прусскую историю. Это отметил ранний историк Пруссии Иоганн Фойгт². Уже одним этим было положено начало той системе управления, которая позднее получила название «пруссачества». В основе этой системы лежит разбойничья, захватническая политика вовне и грубо насильническая, эксплуататорская система угнетения внутри, направленная к поддержанию крупного землевладения (чужеземного, завоевательского) юнкеров-помещиков.

Со времён хищных тевтонских рыцарей война и завоевательные стремления стали главным нервом прусской истории, в значительной степени определившим и предопределившим дальнейшие пути её развития.

Совсем иной была Пруссия (или край, получивший позднее это название) до захвата её тевтонскими рыцарями. История Пруссии до XIII в., т. е. до того времени, как она стала объектом немецкого грабежа, мало известна — отчасти из-за малого количества дошедших до нас источников, отчасти потому, что немецкие историки ею сравнительно мало интересовались. Поскольку же они интересовались этой старой, ещё не немецкой Пруссией, они постарались изобразить её историю в искажённом виде. В этом повинны не только современные фашистские историки, пытающиеся оправдать разбойничью и вероломную политику Тевтонского ордена, но и представители прежней, дофашистской буржуазной науки. Одни из них ставили себе целью доказать, что всё положительное (с их точки зрения) в Пруссии идёт от немцев; до них же это была жалкая, дикая страна, не имевшая ни своей культуры, ни зачатков государственности, ни накопленных ранее материальных богатств.

Взгляд, что вся «цивилизация» Пруссии берёт своё начало со времени завоевания её тевтонскими рыцарями, наиболее ярко выразил немецкий историк конца XIX в. Кох: «Пруссы находились тогда (до завоевания Пруссии немцами.— В. П.) на самой низкой ступени духовного развития. Они охотились в лесах на лосей и зубров и боролись с медведем за его шкуру. Озёра и болота, леса и пустыни, реки, которые ещё не имели установившегося русла,— прежде всего коварная Висла — защищали их от чужеземных завоевателей. В священных рощах они праздновали свои религиозные праздники и приносили у стволов первобытных дубов человеческие жертвы своим богам»³.

Другие немецкие историки, стремясь оправдать исторические права немцев на Прибалтику, пытались доказать исконность существования германской (главным образом готской) народности на южных и восточных берегах Балтийского моря. С этой точки зрения захват немцами прибалтийских земель в XIII в. трактовался как осуществление традиционных прав германского народа на земли, занимавшиеся ими раньше, и, таким образом, оправдывался правами давности. Такой взгляд высказывал более столетия назад (1827 г.) ранний историк Пруссии Иоганн Фойгт в своей книге «История Пруссии». Он доказывал, что Пруссия искони была заселена германцами — готами — и что «готская традиция» продолжалась в ней вплоть до орденских времён. В применении к западным славянам, земли которых лежали у южных берегов Балтийского моря (на запад от Вислы), эту же точку зрения развивал в 1841 г. Фабрициус в книге «Раннее славянство в принадлежащих к Германии землях Балтийского моря»⁴.

Эта точка зрения легла позднее в основу взглядов германстов XIX в., создавших теорию «первоначальности германских поселений в Европе» (т. е. *Urgermanentheorie*). Она часто повторялась в различных формах и с различными доказательствами в течение второй половины XIX в. и в начале XX в.

¹ Лависс «Очерки по истории Пруссии», стр. 1. М. 1915.

² Voigt J. «Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des deutschen Ordens». Königsberg. 1827.

³ Koch «Ueber den deutschen Orden und seine Berufung nach Preussen». Heidelberg. 1887.

⁴ Fabricius «Das frühere Slaventum der zum Deutschland gehörigen Ostseeländer». Mecklenburg. Jahrb. VI. 1841.

германцами разных оттенков. Некоторые из них соглашались признать, что в ранний период истории (до V в.) германские племена ушли из Прибалтики, но не целиком. Много германцев удержалось якобы здесь: они даже составляли большинство местного населения, хотя иногда и подчинялись пришельцам. Поэтому, хотя господство здесь и перешло к славянам, литовцам, пруссам и др., сохранившееся германское будто бы «коренное» население облегчило в XII и XIII вв. немцам-пришельцам внедрение в Прибалтику. Такую же точку зрения по отношению к славянской Прибалтике отстаивал в 70-х годах прошлого столетия Вендт в книге «Национальность населения немецких восточных марок до начала германизации»¹.

Другая разновидность историков этого же германнистического направления защищала племенную родственность древних пруссов современным им германцам. Третьи говорили только о раннем влиянии германской национальности и германского языка на пруссов, славян и литовцев. Оттенки здесь были разные, но цель этой германнистической (в отношении к Прибалтике) школы была вполне определённая — исторически обосновать и морально оправдать разбойничьи захваты, произведённые немцами в прибалтийских землях в XII—XIII веках. С наибольшей яркостью эта линия проводилась в предфашистский период немецким историком и археологом Коссином (глава школы, разработавшей квазинаучную «археологию расселения») в его работах «Привислянская страна — старая родина германцев» и «Происхождение и распространение германцев», написанных в 10-х и 20-х годах текущего столетия. С приходом же к власти фашистов тема о первоначальности и неискоренимости германских поселений в Прибалтике стала излюбленной темой фашистских историографов, развиваемой при этом не столько путём приведения научных аргументов, сколько с помощью квазипатриотического пыла и шовинистического задора.

Посмотрим, как обстояло дело в действительности. Обратимся к фактам древней прусской истории, поскольку они могут быть подкреплены источниками.

Имеющиеся сведения о древнейшей Пруссии очень недостаточны и случайны. Отчасти они идут от античных писателей Диодора, Тацита, Страбона, Плиния и Птолемея, которым была лучше известна Южная и Западная Германия, более близкая к границам Римской империи, чем далёкие северная и восточная части. Другие сведения идут от средневековых немецких, скандинавских и польских хронистов. Хронисты — большей частью люди духовного звания, писавшие о Пруссии в период начавшейся её христианизации и захватнических набегов на неё, — естественно, старались представить в наиболее грубом виде некультурность местного населения и тем самым оправдать якобы

цивилизаторскую деятельность христианских миссионеров и завоевателей.

Только самые ранние хронисты бесхитростно передавали факты, как они их понимали и как о них слышали. В этих рассказах было много фантастического, сообщаемые сведения были случайны и очень часто малоценны, самые рассказы в литературном отношении не обработаны. Зато у ранних хронистов отсутствовал элемент преднамеренного искажения истины. Они не извращали сознательно фактов в угоду своему христианскому мировоззрению, и поэтому у них мы находим много ценного фактического материала. К таким ранним авторам надо отнести Иордана² — готского писателя VI в., аббата Канапарнуса, написавшего в конце X в. «Житие св. Адальберта»³ (раннего и неудачливого прусского миссионера), хронистов XI в.: Титмара — епископа Мерзебургского⁴, Адама — епископа Бременского⁵ и др.

Более поздние хронисты (XII—XVI вв.) писали иначе. В их работах много риторки, много благочестивого вымысла, много сочинённых речей, хотя в литературном отношении эти работы стоят гораздо выше ранних хроник. У хронистов XII—XVI вв. встопычку неизменно фигурирует простодушный епископ, энтузиаст христианской идеи, а его антагонистами выступают коварные и жестокие языческие князья, постоянно нарушающие свои обещания, и грубые, кровожадные туземцы. К тенденциозным, явно извращённым сообщениям этих поздних хронистов надо подходить с особой осторожностью. Сюда относятся ранние польские хроники⁶. Оливская хроника, написанная около половины XIV в., хроника Петра Дюсбурга, написанная также в первой половине XIV в., стихо-

² Jordan «De rebus geticis».

³ «Passio Adalberti martyris» написана, вероятно всего, аббатом Авертинского монастыря Канапарнусом в 999—1000 году.

⁴ Титмар, епископ Мерзебургский (умер в 1018 г.). Его «Chronicon», напечатанная у Pertz'a. Bd. III, принадлежит к самым важным источникам того времени, хотя Пруссия он касается только попутно.

⁵ Адам, епископ Бременский (1045—1072). Его основная работа — «Gesta Hamtuburgensis ecclesiae pontificum». 4-я книга этой работы является главным источником для изучения Северной Германии.

⁶ Польские хроники, составленные в XII—XIII столетиях, принадлежат разным авторам, причём не все они установлены в точности. Прежде наиболее ранняя их часть приписывалась Мартину Галлеу; теперь же выясняется, что она принадлежала перу какого-то итальянца, жившего при дворе Болеслава III и умершего вскоре после 1113 года. Другие части написаны Кадлубеком — епископом Краковским (1208—1218), Богуфалем — епископом Познанским и др. Отрывки из них собраны Th. Hirsch'em в изд. «Scriptores rerum prussicarum». I, 649—808.

⁷ Dusburg P. «Chronicon terrae Prussiae» (написана около 1326 г.).

¹ Wendt «Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisierung», 1878.

творная переделка последней, сделанная Николаем фон Иерохином¹, некоторые отрывки из Гельмольда², скандинавских хроник, а также поздние немецкие хроники XVI в. (Луки Давида, Симона Грюнау, Эрама Стелла и др.), где особенно много легендарных вымыслов о древнейших событиях, будто бы происходивших на территории Пруссии.

I

Античные авторы, описывая природу Пруссии, упоминают о множестве болот, озёр, рек и ручьёв, о непроходимых лесных дебрях, изобилующих медведями, зубрами, волками и другими дикими зверями. Тацит со свойственной ему лаконичностью говорит, что Северовосточная Германия была «страшна своими лесами и отвратительна болотами»³. Но были в этом бедном и диком краю уголки, округа, а иногда даже и целые области на северо-востоке (Самланд), на северозападе (Погезания) и югозападе (Кульмская область), которые благодаря возвышенному характеру рельефа и защите от моря были пригодны для культурной жизни.

По указаниям древних, а иногда и более поздних авторов, некоторые прогрессивные признаки выгодно выделяли Пруссию (и Прибалтику вообще) из ряда других местностей. В Пруссии было развито плужное земледелие. По свидетельству Тацита, эстии (aestii) — племя, которое он помещает в восточной части позднейшей Пруссии, — выращивали «зерно и другие произведения... с большим усердием, чем это принято у германцев по свойственной им лености»⁴. И Страбон говорит о признаках культурной обработки земель у племён Северовосточной Германии: «Хлеб они молотят в больших зданиях, в которые приносят колосья, потому что токи на открытых местах вследствие недостатка солнца и вследствие дождей быстро портятся»⁵.

Лингвистические данные также подкрепляют наличие в древнейшей Пруссии земледелия. Название для рабочей лошади («Sweykis»), сохранившееся в слове древнепруссских слов (так называемый *Elbinger Vocabular*), составленном в XV в., восходит к готским временам; к готским же временам восходит и название сохи (старопрусское «Zoche» родственно готскому «hoŋa», как и литовскому «szaka» и славянскому «соха»), пшеницы (старопрусское «gaudis» родственно готскому «hwaiteis» и литовскому «Kwetyš») и некоторых других знаков.

¹ Jerochin Nic. von. «Chronike von Pruzzinlant».

² Helmholt «Chronica Slavorum».

³ «Silvis horrida paludibusque foeda» (Tacit «Germanicus», 5).

⁴ «Frumenta ceterosque fructus patientius quom pro solita Germanorum inertia laborant» (Tacit «Germania», 44).

⁵ Strabon «Geographia». 2. XIV, 5.

⁶ Hein «Altpreussische Wirtschaftsge-schichte. Zeitschrift für Ethnologie», Nr. 22. 1890.

Археологические находки показывают, что в древнейшей Пруссии ещё задолго до нашей эры существовали свайные постройки и сопутствующая им обычно мотыжная форма земледелия, связанная уже с переходом к оседлости. Пруссия вообще является одной из стран наибольшего распространения свайных построек. В свайных постройках приходилось спасаться и от неудобств болотистой почвы и от диких зверей. К тому времени, когда о Пруссии стали писать древние авторы, мотыжная форма земледелия была уже позади и население возвышенных местностей уже перешло к плужному земледелию. Всё же значительная часть населения Прибалтики ещё долгое время жила охотой и рыболовством (как об этом говорят поздние польские и немецкие хронисты), имея, однако, опорные пункты для оседлости в возвышенных местностях и в целых областях, как Самланд (Северовосточная Пруссия), Погезания (Северозападная) и др. Поэтому-то сочетание довольно высоких форм земледельческой культуры с примитивными занятиями охотой и рыболовством составляет одну из особенностей древнейшей Пруссии, а равно и Прибалтики вообще.

Древние авторы отмечают и ещё один факт, очень характерный для древней Пруссии, — раннее развитие её торговых сношений с античным средиземноморским миром, в частности торговлю янтарём, который Балтийское море выбрасывало на берег. Некоторые немецкие авторы⁷ пытались доказать, основываясь главным образом на Диодоре⁸, что янтаря вообще нигде не водилось на свете, кроме Пруссии. Теперь, после работ Мюллергофа⁹, это мнение надо считать неверным. Но, несомненно, Пруссия в числе других стран вела торговлю янтарём. Какое большое значение придавалось в те времена этой торговле, показывает рассказ Плиния о том, как в 54-м или 55-м году н. э. император Нерон послал какого-то римского всадника, родом германца, к северным берегам Германии за янтарём¹⁰. Всадник побывал, судя по ряду данных, именно в Пруссии и привёз оттуда столько янтаря, что им стали украшать даже оружие гладиаторов. Кроме янтаря из прибалтийских стран в Рим привозили меха, мёд, воск, домашний скот, диких зверей для гладиаторских игр, а также и рабов. «Рабы, — говорит Энгельс, — были единственным товаром, который германцы могли вывозить в достаточном количестве, чтобы сводить свой торговый баланс к Риму»¹¹.

Что же давали Пруссии римляне в обмен? Помимо оружия, которое римляне неохотно вывозили, по понятным причинам, в северные страны, это были, как указывает Эн-

⁷ Voigt (Op. cit. I) и др.

⁸ Diodor Sic. lib. V, 23.

⁹ Müllenhoff «Deutsche Altertums-kunde». I. 1870.

¹⁰ Pli-nius «Historia Naturalis». XXXVI, 3.

¹¹ Ф. Энгельс «К истории древних германцев», стр. 40. Партиздат. 1938.

гельс, домашняя утварь, украшения, принадлежности туалета и т. п. «В числе домашней утвари обнаруживаются бронзовые миски, меры весов, кубки, сосуды, кухонная посуда, сита, ложки, ножицы, ковши и т. д., отдельные сосуды из золота и серебра, глиняные лампы, которые были очень распространены; украшения из бронзы, серебра и золота; ожерелья, диадемы и кольца... гребни, шпички, ложечки для чистки ушей и т. п.»¹. Торговля Рима с Прибалтикой особенно расширилась между 50 и 200 г. нашей эры.

Наличие развитых форм земледельческой культуры (по крайней мере, в некоторых областях Пруссии), во-первых, и оживлённый обмен Пруссии с античным миром, во-вторых, — вот два основных факта, которые характеризуют прусскую экономику в первые столетия нашей эры. Таким образом, население этой страны на заре своей истории не отставало, а, наоборот, шло впереди германских племён. «Характерно при этом, — говорит Энгельс, — что западные племена решительно отстают от племён Внутренней Германии, особенно Прибалтийского побережья»².

Порядки, господствовавшие в Пруссии до конца II в. н. э. и описанные литичными авторами, не могли быть иными, как родово-племенными, патриархальными. Но они, несомненно, уже разлагались, и разложение их ускорялось наличием развитых форм земледелия и торговли.

Вместе с тем росло значение и личной предприимчивости. Тацит указывает, что в то время в Прибалтике среди готов «царская» власть была сильнее, чем среди других германских племён. Подчёркивая особенности политического строя готов, т. е. прибалтийских племён, живших на восток от Вислы, Тацит говорит: «Они управляются своими царями несколько более строго, чем другие народы Германии, но не с потерей свободы... Особенностью всех этих народов являются круглые щиты, короткие мечи и послушание царям (*reges obsequium*)»³.

Большая власть «царей» (в действительности, конечно, племенных князей) у готов не была, разумеется, проявлением складывавшейся у них государственности, как это толкуют немецкие историки. Она не могла быть не чем иным, как последствием складывавшейся здесь дружинной аристократии. Дружина держалась за князя, а князь — за дружину.

Так, возвышение военной аристократии и усиление княжеской власти были наряду с другими признаками одним из проявлений раннего разложения патриархальных порядков среди населения Юговосточной Прибалтики, в том числе и позднейшей Пруссии.

Какое же население жило в древнейшие времена на той территории, на которой

позднее образовалась Пруссия? По свидетельству древних авторов, готские племена только частично заселяли Пруссию. Плиний⁴ называет их гутонами; Тацит — более западных, живших ближе к Висле, — также называет гутонами, а более восточных, находившихся вдоль Кургафа, — эстиями⁵; Птолемей называет их гитонами⁶. Однако древние только в самых общих чертах определяют местожительство этих готских племён. Из их сообщений можно сделать только тот вывод, что готские племена заселяли нижнее течение Вислы вплоть до её устья; насколько же далеко распространялись их поселения на восток от Вислы, мы определить не можем. Во всяком случае, они едва ли доходили до Прегеля.

Таким образом, по указаниям древних, готы жили только в наиболее западной части позднейшей Пруссии, примыкавшей к Висле. К более восточной части Пруссии, согласно Тациту, относится племя эстиев — предшественников позднейших пруссов. Пруссы же входили в состав балтийской группы народов, к которой, кроме них, относились и литовско-латышские племена, имевшие многие черты сходства со славянами. Таким образом, отнести пруссов прямо к немецким племенам с самого начала, как это делают германские авторы, у нас нет никаких оснований. Мы можем говорить только о некоторой примеси готских элементов к древнейшему населению Пруссии. К тому же монолитно германский этнический состав самих готов вызывает сомнения. Марр не считает готов чистыми германцами. В готском языке и в готской народности были примеси и славянских, и литовских, и финских элементов. Тем более это относится к языку тогдашней Пруссии, которая находилась в близком соседстве со славянами, литовцами, финнами и другими негерманскими народностями. В дальнейшем между готами и соседними племенами происходили также частые соприкосновения и переплетения, что всякое предположение о германской монолитности языка и населения и в самой древней Пруссии и в соседних с ней областях должно отпасть.

В настоящее время прусский язык мёртвый. Он принадлежит к числу наиболее архаических языков, и если бы он лучше сохранился, то по нему можно было бы, равно как и по языку литовскому, изучать доиндоевропейскую языковую древность⁷. Когда и как образовался прусский язык, как в дальнейшем он развивался, мы не знаем, но в том позднейшем виде, в каком он дошёл до нас, — в памятниках XV—XVI вв. — он представляет такое большое сходство с литовским языком и отчасти со славянским и латышским, что большинство историков относит пруссов к литовским пле-

⁴ Plinius. Op. cit., IV, 14.

⁵ Tacit «Germania», 45.

⁶ Ptolem. «Geogr.», III, 5.

⁷ См. Майе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», стр. 101—102, 1938.

¹ Ф. Энгельс «К истории древних германцев», стр. 38—39.

² Там же, стр. 48.

³ Tacit «Germania», 43.

нам¹. И чем дальше, тем больше прусский язык сближался с другими соседними негерманскими языками, главным образом с литовским, отчасти славянским и латышским.

Ослабление готских элементов было связано с отходом готов на юг, начавшимся уже в конце II в. и усилившимся в период так называемого великого переселения народов. Уже Птолемей в конце II в. указал на продвижение в область гитонов славянского народа — венедов², в близком соседстве с которыми жили племена галиндов и зудитов (или зуданов, иначе суденов). То были племена, повидному, литовские, а ещё дальше на восток находилась ставана (повидному, славяне). Это не значит, конечно, что в этот и ближайший периоды произошло какое-то общее и широкое переселение славян и литовцев в Пруссию. Речь может идти только о постепенном усилении литовского, славянского и латышского элементов, которые в зародыше здесь были и ранее, но в меньшей степени и в менее определённых формах.

Можно думать, что уже в первые века н. э. стал формироваться и язык населения Пруссии как язык, близкий к литовскому и латышскому, со значительной примесью славянских и с остатками готских элементов.

Характерно, что у древних авторов ни одна из крупных рек Северо-восточной Германии не называется по-немецки. Висла у них называется *Visula*, *Vistula*, *Visla* — ближе к славянскому термину «Висла», чем к германскому *Weichsel*; Эльба — *Albis*, причём этот термин произошёл путём перестановки звуков, — очевидно, от славянского названия «Лаба», а не от германского «Эльба». Отметим, что слова «Висла», «Лаба», «Одра» имеют определённый смысл в славянском и литовском, но не в германском языке: слово «*wisla*» в польских народных песнях передаёт понятие текущей воды, «*labas*» по-литовски означает «добрый», «*od-ga*» — древнесловенское слово для определения наводнённой местности. Видно, ко времени возникновения этих древних географических названий они формировались, по крайней мере отчасти, под литовскими, славян-

скими и другими влияниями, тогда ещё не определёнными, но уже имевшимися на территории Пруссии.

II

Наши сведения об истории Пруссии от конца II до VI—VII и даже до VIII в. особенно неясны. В то время значительно ослабевают торговые связи Пруссии с античным средиземноморским миром. Из-за начавшихся передвижений воинственных дружин, принадлежавших отчасти к германским, а отчасти и к негерманским народностям, торговые пути с севера на юг становятся опасными, и купцы Рима реже посещают Прибалтику, чем раньше. В самом Риме в связи с начавшимся упадком его покупательных способностей спрос на янтарь, рабов и дорогие меха севера сокращается. Количество римских монет, которые находят при археологических раскопках на территории Пруссии, с 200 г. резко падает. Можно думать, что и разложение родовых отношений в юго-восточной части Прибалтийского побережья под влиянием этого приостановилось.

Поэтому об истории Пруссии между III и VI—VII вв. мы особенно мало знаем. Даже Фойгт, собиравший мельчайшие крупинки из источников, чтобы на их почве построить какие-либо выводы, принуждён признать, что «от Птолемея до Карла Великого на всей древности этой страны... лежит тёмная ночь. Только кое-где друженственно светят через темноту — и то только тусклым светом — отдельные звёзды»³. На основе этой неясности немецкие историки, принадлежавшие к германистической школе, создали теорию непрерывности готской традиции на территории Пруссии. Готские (т. е. германские, по мнению германистов) элементы будто бы удерживались на территории Пруссии непрерывно вплоть до завоевания её немцами в XIII веке. У Плиния есть неясное упоминание о том, что часть готов переселилась в Скандинавию, т. е. в южную часть Скандинавии⁴. Иордан же рассказывает, что готы в Скандии так размножились, что не были в состоянии и не хотели уже там жить далее⁵. Поэтому они вернулись обратно в Прибалтику, а от туда проникли дальше на юг, вплоть «до земель Скифии».

Здесь, повидному, речь может идти только о набегах «скандиев» (т. е. скандинавских норманнов) на южные берега Прибалтики, набегах, которые длительного характера иметь не могли. Тем не менее предфашистские, а в более близкое к нам время и фашистские историки делают из этих нападений очень широкие выводы.

На основе будто бы обратного вселения готов в Прибалтику из Скандинавии уже

¹ Voigt. Op. cit. I, 79.

² Ptolemaeus. «Geogr.», III, 3: «Венеды живут вдоль всего Венедского залива»

(т. е. Балтийского моря — от Вислы до Мемеля).
³ «In tantam multitudinem populassent, utiam simul habitare non volerunt» (Jordan «De rebus geticis», I).

Фойгт, один из самых ранних представителей германистической школы, делает выводы, которыми воспользовались и более поздние германисты. Эти выводы в основном сводятся к тому, что, во-первых, готы никогда целиком «не оставляли своей старой, первоначальной почвы, на которой долгое время жили их предки», а во-вторых, что другие, негерманские племена Юговосточной Прибалтики, и прежде всего веныды, «вследствие совместной жизни с оставшимися готами многое заимствовали и усвоили из готских нравов и образа жизни, языка и религии, что объясняет общность их нравов и обычаев с германскими»¹. Иначе говоря, Фойгт стремится доказать, что и более ранние (т. е. готы) и более поздние насельники Пруссии (веныды и другие племена) были если не чисто германскими, то, во всяком случае, родственными германцам или подпавшими под их влияние племенами. В подтверждение этому мнению приводится рассказ Иордана о каких-то виввариях, которые жили «у берегов океана, где воды Вислы поглощаются тремя устьями», и «состояли из различных народов»². Фойгт считает, что эти вивварии являлись бесспорно готами—германцами, хотя у Иордана они не называются ни готами, ни германцами и характеризуются как сброд из разных племён. В действительности, как говорит и Иордан, то были сборные дружины вооружённых людей из разных народностей (ex diversis nationibus) — и веныдов, и готов, и других племён, охваченных жадной военной захватом. Военные предводители принимали к себе на службу всех смелых и предприимчивых людей, не разбираясь в их племенном происхождении. И, повидимому, одна из таких дружин под названием «виввариев» и поселилась на некоторое время на берегах Прибалтики, занимаясь разбойными нападениями на местных жителей, а может быть, как это было в обычаях у германских народов, одновременно и подчиняя их себе и охраняя от набегов других воинственных племён, ибо жители Пруссии — эстии, — по характеристике Иордана, сами отстоять себя не могли, будучи «народом во всех отношениях мирным»³.

Передвижения отдельных групп населения в беспокойное и неустойчивое время первых столетий нашей эры, конечно, происходили, но едва ли они имели в то время общеплеменной характер, т. е. едва ли передвигались целые племена. У нас есть все основания думать, что в переселение была втянута не вся масса племенного населения, а только наиболее подвижные, притом наиболее зажиточные и влиятельные элементы — дружинная аристократия, группировавшаяся вокруг своих военных предводителей. Только у этих социальных элементов хватало материальных средств для того, чтобы сняться с места и броситься на новые места в расчёте на военную добычу

и грабёж мирного населения. Все миграции того времени затрагивали, повидимому, только социальную верхушку, хотя в отдельных случаях численность вторгавшихся в чужие территории дружин могла быть и очень велика и доходила даже до 20 тыс. человек. Ведь дружины, судя по примеру виввариев, составлялись из разных народностей, говоря словами Иордана. В общем, однако, обычная численность дружины не превышала 3—4 тыс. человек. Основное же ядро населения оставалось на месте; это относится и к славянам, жившим на запад от Вислы, это относится и к населению Пруссии, которое жило на восток от неё.

В противоположность мнению германистов, в дальнейшем окружение Пруссии негерманскими элементами продолжалось. К концу VI и началу VII в. вся Пруссия оказалась окружённой со всех сторон негерманскими народностями: на западе — поморянами, на северо-западе — кошубами, на юго-западе — поляками, на юге — мазавшанами, родственными полякам, на востоке — литовцами. Литовское влияние всё более перевешивало, и этнический характер населения Пруссии всё более определялся как литовский, со значительной примесью латышского и славянского элементов и с некоторым наличием готских остатков в нём. Характерно при этом, что термин «эстии», который применяют к населению значительной части Пруссии и Иордан и позднее Эйнгарт, биограф Карла Великого⁴, теряет свой прежний характер; если ранее Тацит называл эстиями племя, близкое к готам, то в дальнейшем эстии вбирают в себя так много других племенных элементов — литовских, латышских, славянских и пр., — что термин этот становится близким к позднему термину «прусы», хотя самое слово «Пруссия» возникло в литературе только к концу X века. Нельзя, однако, забывать, что ещё долгое время этнический состав населения Пруссии оставался смешанным, но одинаковым и потребности в общем названии, покрывающем это племенное разнообразие, ещё не было: в Кульмской области преобладали польские элементы и влияние, в Померании — влияние соседних западных славян-поморян и т. п. Политическая раздробленность и этническое разнообразие удержались до самого завоевания Пруссии немцами. Это, повидимому, и было одной из главных причин, почему Пруссия потом подпала под власть германских рыцарей. Характерно, что пруссы были единственным литовским (хотя и не чисто литовским) племенем, которое не могло отстоять своей самостоятельности от германских насильников и впоследствии им подчинилось.

III

С VI в. мрак, покрывающий историю Пруссии, несколько рассеивается, и мы по-

¹ Voigt. Op. cit. I, 105.

² Jordan. Op. cit., 5.

³ Ibidem.

4. «Исторический журнал» № 4.

⁴ Эйнгарт, подчёркивая многообразие этнического состава Прибалтики, говорит: «На южном берегу живут славяне, к эстии, и другие различные народности».

лучаем о ней более или менее ясное представление. Археологические данные показывают, что уже с конца V в. торговля Пруссии опять оживилась. Торговые пути несколько очистились, ибо военные дружины германских и других племён осели на местах и ограничили, а частью совсем прекратили свои передвижения.

Но направление торговых путей должно было значительно измениться. Если раньше они направлялись к старым центрам античной культуры, то с падением Римской империи и с образованием новых больших государств они переместились частично к юговостоку, частично к северозападу. На юговостоке возникли такие крупные политические центры, как Константинополь, Итиль и Булгар на Волге, Киев на Днепре, Дамаск и Багдад в Азии. Прусские товары доходили, повидимому, до Киева, Итиля и Булгара — через посредство норманнов. В те времена норманны часто совершали разбойничьи набеги и на Прибалтику и на Русь, добирались, быть может, до Прикамья и до Среднего Поволжья, соединяя торговлю с грабежами и захватами.

С VIII в. особенно широко развилась торговля с арабским халифатом. Но она не носила непосредственного характера, ибо арабские купцы прусской территории не посещали, и тем менее сами пруссы могли совершать путешествия в халифат. Повидимому, арабские купцы встречались с норманнами, вывозившими товары из Пруссии, на приволжских и приднепровских рынках. О широком развитии торговли халифата с Пруссией говорит большое количество арабских монет, найденных на территории Пруссии и завозимых туда норманнами. Торговля носила обоюдосторонний характер, т. е. и прусские товары шли в халифат и арабские — в Пруссию. В большой цене в халифате были прусские рабы, а также меха, кожа, мёд и воск. Взамен в Пруссию ввозились в большом количестве дамасское оружие, предметы украшения, восточные благовония, вино, сушёные фрукты и т. п.¹ Все эти предметы были нужны не для массы населения, а только для богатых и знатных людей Пруссии, и самое их обилие указывает, что несмотря на всю скудость прусской природы процесс классового расслоения и накопления богатств у аристократических элементов общества достиг довольно высокого развития.

Немецкие историки германистического направления стараются использовать факт норманнских набегов на территорию Пруссии для подкрепления своей основной мысли, будто бы германское влияние среди населения Пруссии с VIII до XI в. непрерывно усиливалось. Для этого они используют сообщения датского хрониста XII в. Саксона Грамматика (умер в 1204 г.), кото-

рый сообщал, что датские викинги в X в. не только нападали на Сембю (так называли Пруссию, по имени её самой культурной области — Самланд), но и прочно селились там, вступая в браки с местными женщинами.

Но внимательное изучение сообщений Саксона Грамматика показывает как раз обратное: не германцы (в данном случае даны) наложили свою печать на население Пруссии и его германизировали, а, наоборот, население Пруссии (так называемые сембы) впитали в себя и подчинили своему прусскому влиянию вселившихся данов. Даны, по словам Саксона Грамматика, «отказались даже от желания вернуться на родину и стали считать варварскую землю за свою родную»².

Другой путь, по которому шла тогдашняя прусская торговля, был путь северозападный. Он нам хорошо известен по описанию путешествия некоего Вульфстана (из датского города Гедаби), описанию, включённому в сделанный королём Альфредом Великим англо-саксонский перевод «Всемирной истории» Орозия³. Из этого описания видно, что Вульфстан, совершивший своё путешествие по поручению Альфреда Великого, отправился из города Гедаби в Шлезвиге и добрался по Балтийскому морю до страны Eastland, т. е. до Пруссии, достигнув города Трузо, неподалеку от устья Эльбинга. Трузо примыкал к ряду торговых городов, расположенных на пути, соединявшем страны Северного моря с Прибалтикой. То были Гедаби в Шлезвиге, Бирка в Швеции, Аркона на острове Руге, Колобрег и особенно славянский Воллин в Южной Прибалтике — города, тогда широко известные не только в Западной Европе: через них, очевидно, шла торговля между германо-романским Западом и русско-византийским Востоком. Их посещали купцы из разных стран: и греки, и норманны, и англичане, и немцы, и славяне.

Связанный с этими городами, Трузо торговал и с Западом и с Юговостоком. Кроме Трузо в Пруссии были, очевидно, и другие укрепленные пункты, хотя в их торговом значении можно и сомневаться. Вульфстан в рассказе о своём путешествии сообщает, что в Eastland (т. е. Пруссии) «лежат многие бурги (burh), и в каждом городе (byrig) есть свой король (cuning), и между ними идут многие войны»⁴. Были ли, однако, эти бурги только укрепленными пунктами или вместе с тем и торговыми посёлками, сказать определённо из-за отсутствия точных сведений нельзя.

Главными предметами торговли с Западом были меха и янтарь. С Запада же в Пруссию направлялись оружие, предметы укра-

² «Omissa redeundi cupiditate barbariem pro patria colerunt» (Saxo Grammaticus «Historia Danica». Lib. X.—«Scriptores rerum prussicarum». I, 735).

³ См. «Scriptores rerum prussicarum». I, 732—735.

⁴ См. «Scriptores rerum prussicarum». 733.

¹ Вопрос о торговле Прибалтики с арабами изучал главным образом Якоб. Важнейшая из его работ — «Der nordische Handel der Araber im Mittelalter». 1887.

шения, шерстяные ткани (так называемые фальдоны) и пр.

Конечно, Трузо нельзя сравнивать по его торговому значению с другими портами Балтийского моря, особенно с знаменитым Воллином. К тому же в Трузо торговля с местным населением ещё продолжала носить характер непосредственного обмена продукта на продукт. По свидетельству Адама Бременского, пруссы «не ценят золота и серебра»¹. Это указывает на слабое развитие денежного обращения в Пруссии.

Но и приняв эти ограничения, мы должны всё-таки признать, что Пруссия была втянута в международный обмен и что её торговля, оживившаяся уже с конца V в., стала с VIII столетия довольно широко развиваться, распространившись и на близкий Запад (т. е. на земли западных славян, а также на Данию, Швецию и Англию) и на далёкий Восток, вплоть до арабского халифата. В Пруссии уже с IX в. у отдельных князьков было много военных и торговых судов², которые привозили и вывозили множество товаров.

Пруссы, как и другие жители Прибалтики, умели приспособляться к неблагоприятным условиям болотистой почвы и дождливого, сырого климата. У нас есть свидетельства о том, как в предорденское время сушились плоды и злаки в соседней с Пруссией Ливонии, и нет никаких оснований думать, что пруссы здесь отставали от своих соседей. В «Scriptores rerum Livonicarum» есть такое описание уборочных работ: «В жатвенное время плоды (fruges) складывают в кучи или в крытых помещениях (tuguriis), поднимают и развешивают на лестницах, чтобы они высушивались, подвергаясь действию воздуха и ветра. Есть у них такой обычай молотбы: они высушивают плоды в каких-то помещениях, которые подогревают»³. Это описание риг, овинов и других сооружений для борьбы против сырости и загнивания продуктов земледелия указывает на довольно высокие достижения в области уборочных работ.

Немецкие историки склонны отрицать у ливонцев и пруссов, а заодно и у всех жителей Прибалтики, наличие железного плуга. Но этому противоречат археологические данные, ибо в разных местах Прибалтики найдены плужные сошники. Что касается лингвистических данных, то хотя прусское слово «plugis» (плуг) является, как и литовское «plugus», близким к германскому «Pflug», но когда и на какой почве возникла эта близость, сказать трудно; есть данные предполагать, что этот термин возник ещё в доорденские времена на почве взаимного влияния европейских языков. Если это так, то наличие железного плуга в древней Пруссии мы можем подкрепить и лингвистически. Точно так

же лингвистически подтверждается наличие в Пруссии в доорденские времена и рабочей лошади, и пшеницы, и овса, и ячменя, и других многочисленных предметов земледельческой культуры, о которых есть сведения в богатом словарном багаже древних пруссов, ибо слова «поле», «семя», «соха», «копна», «коса», сохранившиеся в *Elbinger Vocabular*, являются, несомненно, древними и, во всяком случае, доорденскими терминами. По лингвистическим же данным, можно предполагать у пруссов, также в доорденские времена, и наличие водяной мельницы, ибо название мельничного колеса («maluna kelau»), мельничной плотины (прусс. «suppis» — родственное русскому «насыпать»), мельничного ящика (прусс. «tarbio», литовск. «tarbas», русская «торба») и некоторых других принадлежностей водяной мельницы являются старопрусскими.

Всё это не устраняет того факта, что охота и рыболовство ещё долго продолжали играть большую роль в жизни пруссов, вплоть до орденских времён и даже в орденские времена. Но, очевидно, эти занятия были уже не основными, а только подсобными, поскольку пруссы занимались ими лишь в свободное от земледелия и скотоводства время.

В конце первого тысячелетия в Пруссии стали складываться и классовые отношения. У нас мало сведений о внутренних прусских порядках в то время и даже позднее, во времена, близкие к завоеванию. Но уже по сообщению Вульфстана и некоторых хронистов, в Пруссии существовали 4 основные социальные группы: 1) князья (cunpines, reges), 2) богатые и знатные (ricostan, heahdungene men, т. е. буквально высокостоящие люди,obiles), 3) несостоятельные (unspendigan, communis populus), 4) рабы (penvan, sclaven). «Царями» Вульфстан и хронисты называют, конечно, только племенных князьков, которых в Пруссии было очень много. Определить точнее, сколько их было и какой характер имела их власть, мы не можем. Об этом среди историков идут споры, и здесь не место касаться этого вопроса. Но, несомненно, социальное деление тогда было довольно сложным и общество было в достаточной степени дифференцировано. Наличие рабов и несостоятельных людей, с одной стороны, и богатых и знатных — с другой, свидетельствует о далеко ушедшем вперёд разложении родовых отношений. И здесь, как и в других отношениях, никакой речи о дикости пруссов даже в конце IX в., к которому относится сообщение Вульфстана, а тем более в более поздние времена, быть не может.

IV

О дальнейшей истории Пруссии мы знаем главным образом из «Жития св. Адальберта», хроник Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, из ряда польских хроник и особенно много из хроники Петра Дюсбурга, кое-что из поздних хроник

¹ «Aurum et argentum pro minimo ducunt» (Ad. Brem «De situ Daniae», 227).

² Dusburg P. Op. cit., III, 97.

³ «Scriptores rerum Livonicarum», II, 728.

XVI в. (Луки Давида, Симона Грюнау, Эразма Стеллы и др.). Источники эти очень недостоверны. Авторами их были представители враждебных Пруссии государств, стремившихся завоевать и поработить её. Хронисты, большей частью монахи, старались представить Пруссию как дикую страну, нуждающуюся в просвещении светом христианской религии. Поэтому они многое архаизировали в её истории, и к их сообщениям о древней Пруссии следует подходить весьма критически, ещё более критически, чем к бесхитростным рассказам более ранних хронистов.

Внешняя, международная сторона прусской истории в X—XIII вв. характеризуется всё возрастающей опасностью со стороны соседей, часть которых в то время вырастает в крупные государства (Польша) или приобретает большую военную силу (Тевтонский орден). Пруссам приходится всю свою энергию обращать на защиту своей независимости и главного символа этой независимости — языческой религии. Борьба против поляков, с одной стороны, и немцев — с другой, ведётся пруссами в крайне неблагоприятных для них условиях — в то время, когда ещё не создалась сплочённость отдельных прусских областей и племён. В Пруссии, запоздавшей в своём политическом развитии, при наличии таких прогрессивных признаков, как развитое земледелие и международная торговля, не было политического единства. Жестокая борьба с внешним врагом поглощала всю энергию народа и задерживала развитие производительных сил внутри страны. Враги часто опустошали Пруссию, сжигали её села, истребляли или увозили в рабство людей, и поэтому в начале II тысячелетия Пруссия развивается слабо, консервируя многие патриархальные черты в быте, гражданском устройстве, семейном праве, хозяйственных и общественных порядках. Земледелие перестает, повидимому, прогрессировать, торговля замирает, городская жизнь не развивается. Вместе с тем задерживается и создание прочной государственной власти, и Пруссия до конца своей самостоятельной истории оказывается неспособной выйти из состояния политической раздробленности.

С другой стороны, в Пруссии, повидимому, прогрессирует классовая дифференциация. По сведениям Петра Дюсбурга, просто сво-

бодные люди (*communis populus* или *ignobiles*, как он их называет) попадают, по крайней мере частично, в зависимость от знатных людей (*nobiles* и *reges*).

При отсутствии сколько-нибудь прочной политической власти эта общественная дифференциация ещё более ослабляла силу сопротивления пруссов. Многие из князей и знатных людей в поисках поддержки против простого народа переходили на сторону поработителей Пруссии и христианизаторов, в то время как народные массы ещё продолжали крепко держаться за свою независимость и за старую религию. Перед самым завоеванием Пруссия уже переходила, по видимому, на феодальную ступень развития, по крайней мере в её зачаточной форме. Прусские князья и отчасти прусская формирующаяся знать в основном не сумели и не захотели стать на защиту национальной независимости своей страны, как на Руси это сделал Александр Невский, позднее — Дмитрий Донской и другие. В результате предательства местной прусской знати и прусских князей Пруссия не устояла, и историческая миссия — приостановить продвижение немцев на Восток, а потом и разгромить их — выпала на долю Руси.

Прогрессивное же историческое развитие Пруссии было надолго задержано. Рыцарство и следовавшие за ним немецкие колонисты не внесли в Пруссию новых, более высоких форм земледельческой культуры. Рыцари и новые немецкие бюргеры не сумели связать страну с новыми рынками, новыми торговыми связями. Христианство, принесённое рыцарями, также не содействовало развитию в Пруссии культуры. Христианские проповедники говорили с населением на непонятном для него языке и не принесли с собой письменности. И рыцари и христианское духовенство одинаково хищнически относились к богатствам страны и одинаково грубо попирали народные обычаи и права. В результате завоевание Пруссии Орденом было, по существу, разбойничьим вмешательством, насильственным оборвавшим нить прусского исторического развития и задержавшим прогресс политической, общественной и экономической жизни Пруссии. Никакого цивилизующего влияния на историю Пруссии это завоевание не оказало, и всякие попытки оправдать его традиционными правами немцев на землю, будто бы ими истари занимавшиеся, исторически оказываются фальшивыми.